

Как там, в Алеппо... Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Как там, в Алеппо... Владимир Владимирович Набоков

Дорогой В. Начнем с того, что наконец-то я здесь, в стране, куда ведет такое множество закатов. Первым, кого я встретил, был наш старый добряк Глеб Александрович Гекко, угрюмо пересекавший Авеню Колумба в поисках petit café du coin, [1] в котором нам втроем уже не посидеть. Он почему-то уверен, что Вы предали нашу словесность, и дал мне Ваш адрес, неодобрительно покачав седой головой, как будто Вы недостойны получить от меня весточку.

А между тем у меня для Вас неплохой сюжет для рассказа. Все это напоминает мне, то есть эта фраза напоминает мне былые дни, когда мы сочиняли наши первые, по-телячьи нежные, чистосердечные стихи и всё на свете: роза, лужа, освещенное окно – взывало к нам: «Я рифма!» Право, мы живем в играющей нам на руку вселенной. Играем – умираем. И гулкие души русских глаголов придают смысл яростной жестикующей деревьев, какой-нибудь брошенной газете, скользкой, спотыкающейся и шуршащей снова, неумело взлетающей и бескрыло катящейся вдоль бесконечной, подметенной ветром набережной. Но я давно уже не поэт. Я обращаюсь к Вам, как та чеховская девушка в красном, мечтавшая, чтобы в нее ударила молния, лишь бы умереть на людях.

Я женился, дайте вспомнить, примерно через месяц после того, как Вы покинули Францию, и недели за две до того, как добродушные немцы ворвались в Париж. Несмотря на то что могу предъявить документальное доказательство своего брака, сейчас я совершенно уверен, что никакой жены у меня не было. Возможно, Вам известно ее имя от кого-то другого, что, впрочем, не имеет значения: это имя иллюзии. Следовательно, я вправе говорить о ней так же отстраненно, как если бы речь шла о персонаже рассказа (если позволите, Вашего рассказа).

Это была любовь с первого прикосновения, а не с первого взгляда, ибо я встречал ее несколько раз до того, не испытывая никаких эмоций, но однажды вечером, когда я провожал ее домой, что-то сказанное ею заставило меня склониться от смеха и легко поцеловать ее волосы – и, разумеется, все мы знаем этот ослепительный взрыв, который бывает вызван тем, что подберешь маленькую куклу с полу, забытую в покинутом жильцах доме: вовлеченный в события ничего не слышит, для него все это лишь экстатическое, безграничное и беззвучное расширение того, что всю жизнь представлялось пучком света в центре его темного существа. И право же, причина, по которой мы думаем о смерти в небесных терминах, – это видимый небосклон, особенно по ночам (над нашим затемненным Парижем с тесными аркадами на бульваре Эксельмана и непрерывным альпийским журчанием уличных писсуаров), – самый точный и непреходящий символ этого бесшумного и захватывающего взрыва.

А ее разглядеть не могу. Она остается такой же туманной, как мое лучшее стихотворение, то, над которым Вы так омерзительно измывались в «Современных записках». Когда хочу представить ее, приходится мысленно приникать к коричневому родимому пятнышку на ее пушистом предплечье – так сосредоточиваешься на знаке препинания в неразборчиво написанной фразе. Возможно, употребляй она больше косметики или пользуйся ею регулярно, я бы увидел сейчас ее лицо или, на худой конец, деликатные поперечные бороздки сухих, горячих, твердых губ; но не могу, не могу – хотя по-прежнему ощущаю их уклончивое прикосновение там и тут в прятках и жмурках моих чувств, в той всхлиывающей разновидности сна, когда она и я неуклюже цепляемся друг за друга сквозь разлучницу-дымку, и никак не удается разглядеть цвет ее глаз, ибо влажный блеск подступивших слез скрывает радужную оболочку.

Она была намного моложе меня, но не так, как Натали с прелестными голыми плечами и продолговатыми серьгами – по отношению к смуглому Пушкину; и все же оставалось достаточно места для такого рода ретроспективного романтизма, находящего удовлетворение в имитации судьбы несравненного гения (вплоть до ревности, мерзости, вплоть до боли увидеть ее миндалевидные глаза, скошенные в сторону белокурого Кассио под прикрытием павлиньего веера), даже если не можешь и подумать о том, чтобы сравниться с ним в стихах. И все-таки мои ей нравились, и она не стала бы зевать, как зевала та, другая, – всякий раз, когда стихотворение мужа своей длиной превышало сонет. Если для меня она оставалась тенью, то, возможно, тенью для нее был и я: полагаю, что ее в основном прельстила темнота моей поэзии, в которой она сумела проделать дырочку и вдруг увидеть недостойного

Как там, в Алеппо... Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
любви незнакомца.

Как Вы знаете, одно время я собирался последовать примеру Вашего удачного бегства. Она рассказала мне про своего дядюшку, жившего теперь, по ее словам, в Нью-Йорке: до этого он преподавал верховую езду в колледже на юге и женился там на богатой американке; у них родилась глухонемая дочь. Жалела, что потеряла их адрес, но через несколько дней он чудесным образом нашелся – и мы написали драматическое письмо, на которое так и не получили ответа. Впрочем, это не имело значения, поскольку к тому времени я уже обзавелся солидным поручительством от профессора Ломченко из Чикаго; увы, кроме этого, ничего не было сделано для получения необходимых бумаг, вплоть до самой оккупации, хотя я и предвидел, что, останься мы в Париже, кто-нибудь из моих доброхотов-соотечественников рано или поздно предъявит кому следует опасные строки в одном из моих сборников, где я заявлял, что, несмотря на все ее мрачные грехи, Германия обречена во веки веков оставаться мировым посмешищем.

Такова причина, побудившая нас отправиться в кошмарное свадебное путешествие. Сдавленные и дрожащие в тисках апокалиптического исхода, поджидающие поездов вне расписания, отправлявшихся в неизвестном направлении, бредущие сквозь жалкие декорации равнодушных городков, погруженные в беспросветные сумерки физического изнурения, мы бежали; и по мере нашего бегства становилось все ясней, что сила, распоряжающаяся нами, – нечто большее, чем дылда в сапогах и каске с его громыхающим зверинцем по-разному передвигающегося механического хлама, – нечто такое, символом чего он был лишь номинально, нечто чудовищное и непостижимое, вневременная и безликая громада изначального ужаса, которая наваливается на меня сзади даже здесь, в зеленом безлюдье Центрального парка.

Ах, она выносила все это отважно, с какой-то бесшабашной бодростью. Но как-то раз вдруг разрыдалась, вызвав сочувствие соседей по вагону. «Собачка, – всхлипнула она, – оставили собачку. Бедная наша собачка!» Правдоподобие ее горя ошеломило меня, ведь у нас не было собаки. «Знаю, – объяснила она, – но я представила себе, что мы и в самом деле купили того сеттера. Только подумай, как он бы сейчас выл за запертой дверью». О покупке сеттера никогда не было и речи.

И вот чего не забыть: большая дорога и семейство беженцев (две женщины с ребенком, их старый отец или дедушка, умерший в пути). Небо представляло собой хаос черных и охряно-желтых облаков с безобразным просветом солнца над укутанным в сырую вату холмом, – и покойник на спине, под пыльным платаном. Палкой и руками женщины пытались вырыть придорожную могилу, но почва оказалась слишком твердой; пришлось отказаться от затеи и усесться бок о бок среди отцветших маков, несколько поодаль от трупа с его запрокинутой кверху бородкой. Но мальчик все еще рыл, царапал и скреб землю, пока не выкорчевал плоский камень, забыв о предмете своих торжественных усилий: стоя на четвереньках, демонстрируя палачу все позвонки на тонкой детской шее, он с изумлением и восторгом смотрел, как тысячи крохотных коричневых муравьев мечутся, собираются и разбегаются в поисках убежища... в Гар, и в Од, и в Дром, и в Вар, и в Восточные Пиренеи, – мы же вдвоем остановились только в По.

Испания оказалась труднодостижимой, и нам пришлось направиться в Ниццу. В местечке, называвшемся Фошер (десятиминутная остановка), я выбрался из вагона, чтобы купить еды. Когда спустя несколько минут я вернулся, поезд уже ушел – и бестолковый старик, ответственный за чудовищную пропасть, разверзшуюся передо мной (угольная пыль, поблескивающая на жаре между голыми равнодушными рельсами, одинокий клочок апельсиновой кожуры), грубо сказал мне, что, как бы то ни было, я не имел права выходить.

В лучшем мире я мог бы обнаружить местонахождение своей жены и подсказать ей, что делать (со мной были оба билета и большая часть денег), в нашем же случае моя кошмарная борьба с телефоном оказалась бесполезной, – пришлось отмахнуться от нескольких сдавленных голосов, лающих на меня издали, я отправил две или три телеграммы, которые, наверно, до сих пор в пути, и поздно вечером сел в местный поезд до Монпелье, дальше которого ее поезд не должен был уйти. Не найдя ее там, я оказался перед выбором: продолжать путь, поскольку она могла сесть на марсельский поезд, только что мной пропущенный, или ехать назад, потому что она могла вернуться в Фошер. Сейчас не помню, какая путаница умозаключений привела меня в Марсель и Ниццу.

Помимо обычной рутины, вроде отправления неверных сведений во множество

Как там, в Алеппо.. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru невероятных мест, от полиции не было никакого прока: один жандарм наорал на меня за то, что я доставляю лишние хлопоты, другой запутал дело тем, что поставил под сомнение подлинность моего свидетельства о браке, так как оно было проштамповано, как он утверждал, не с той стороны, третий – жирный комиссар с водянистыми желтыми глазами – признался, что тоже пишет стихи в свободное время. Я искал новые знакомства среди бесчисленных русских, живших или застрявших в Ницце. Слушал рассказы тех, в ком текла еврейская кровь, об обреченных соплеменниках, загнанных в поезда, направлявшиеся в ад, и собственная моя участь приобретала банальный оттенок заурядности, пока я сидел в каком-нибудь переполненном кафе с млечно-голубым морем, вздымавшимся передо мной, и ракушечным шепотом за спиной, рассказывающим и пересказывающим историю избиений и катастроф, а также про серый рай за океаном, привычки строгих консулов, их причуды.

Через неделю после моего приезда ленивый чин в штатском навестил меня и повел по кривой, вонючей улочке в покрытый копотью дом с вывеской hôtel, полустертой от грязи и времени; там, как он сказал, нашли мою жену. Предъявленная им девушка оказалась, конечно же, абсолютной незнакомкой, но мой Шерлок Холмс некоторое время надеялся выбить из нас признание, что мы женаты, пока ее немногословный и мускулистый любовник стоял у кровати и слушал, скрестив руки на груди в полосатой майке.

Отделавшись, наконец, от этих людей, направляясь домой, я наткнулся на небольшую очередь у входа в продуктовый магазин, и там, в самом ее конце, стояла моя жена, приподнявшись на цыпочки, чтобы разглядеть, что же именно продают. И первое, что она мне сказала, относилось к апельсинам, которые там продавали.

Ее рассказ был весьма путаным, но совершенно банальным. Она вернулась в Фошер и сразу отправилась в комиссариат, вместо того чтобы справиться на станции, где я оставил для нее записку. Какие-то беженцы предложили ей присоединиться к ним; она провела ночь в велосипедном магазине, где не было ни одного велосипеда, на полу, вместе с тремя пожилыми дамами, лежавшими, по ее выражению, в ряд, как бревна. На следующий день она увидела, что у нее не хватает денег, чтобы добраться до Ниццы. Одна из бревноподобных попутчиц одолжила ей немного денег. Она села не в тот поезд и все-таки доехала до города, название которого не могла сейчас припомнить. Попала в Ниццу два дня назад и встретила знакомых в русской церкви. Они сказали ей, что я где-то здесь, разыскиваю ее и, несомненно, вскоре появлюсь.

Несколько позже, когда я сидел в своей мансарде на краешке единственного стула и обнимал ее стройные молодые бедра (она расчесывала мягкие волосы, запрокидывая голову при каждом взмахе гребешка, и чему-то мечтательно улыбалась), губы ее вдруг задрожали и она положила руку мне на плечо, взглянув на меня так, как если бы я был отражением в воде, замеченным ею впервые.

«Я соврала тебе, милый, – сказала она. – Я лгунья. Я провела несколько ночей в Монпелье с хамом, которого встретила в поезде. Я совсем этого не хотела. Он продавал лосьоны для волос».

Время, место, пытка. (Ну Вы же помните «Отелло»!) Ее перчатки, веер, маска. Я провел эту и много других ночей, выпытывая у нее подробности, но так и не узнав их все. Я пребывал в странном заблуждении, что сначала должен узнать все детали, воссоздать каждую минуту и только затем решить, смогу ли я это вынести. Но предел неутраченного знания был недостижим, и мне было трудно представить ту приблизительную черту, за которой я почувствую себя удовлетворенным, так как, наверное, знаменатель каждой дроби знания возрастает в прогрессии, обратной передышкам между поступлением информации.

При первом объяснении она была слишком утомлена, чтобы испугаться, а затем решила, что я ее оставлю; вообще она, по-видимому, считала, что такое признание должно стать чем-то вроде утешительного приза для меня, а не горячкой и агонией, какими оно было в действительности. Так продолжалось целую вечность, она то теряла самообладание, то вновь обретала его, отвечая на мои непристойные вопросы сдавленным шепотом или пытаясь с жалкой улыбкой выкрутиться за счет не относящихся к делу деталей, а я скрипел и скрежетал коренными зубами, пока моя челюсть едва не взрывалась от острой, невыносимой боли, которая казалась все-таки предпочтительней тупой, ноющей боли смиренного отчаяния.

Как там, в Алеппо.. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru И заметьте, между приступами этих дознаний мы пытались получить от несговорчивых властей необходимые бумаги, которые в свою очередь позволяют на законных основаниях подать прошение о других бумагах, которые послужат ступенькой на пути к получению разрешения, дающего право их обладателю составить заявление на приобретение еще каких-то бумаг.. Но если я и мог вообразить ужасную сцену, то не был способен связать остроугольные, гротескные тени с тусклым, смутным телом моей жены, когда она дрожала-сотрясалась-растворялась в моих объятиях.

Таким образом, оставалось только мучить друг друга, просиживать часами в префектуре, заполнять анкеты, совещаться с друзьями, уже исследовавшими все закоулки лабиринта визовой службы, умолять секретарш и снова заполнять анкеты, в результате чего ее расторопный и напористый коммивояжер-попутчик в моем сознании оказался вовлечен в чудовищный хоровод вопящих чиновников с крысиными усами, с истлевшими кипами старых досье, с вонью фиолетовых чернил, взятками, подсунутыми под промокашки с венозным узором на них, с жирными мухами, почесывающими влажные шейки своими проворными липкими лапками, с новенькими, непослушными, вогнутыми фотографиями ваших шести дегенеративных двойников, с трагическим взглядом и терпеливой вежливостью посетителей родом из Слуцка, Стародуба или Бобруйска, с тисками и зубцами святой инквизиции, с несчастной улыбкой лысого человечка в очках, которому сказали, что его паспорт потерян.

Признаюсь, что однажды вечером, после особенно жуткого дня я опустил на каменную скамью, плача и проклиная опереточный мир, где миллионами жизней жонглируют потные руки консулов и служащих комиссариата. Заметил, что она тоже плачет, и сказал ей, что все это не имело бы значения, если бы она не сделала того, что сделала.

«Ты решишь, что я сумасшедшая, – сказала она с неистовостью, которая на секунду чуть не превратила ее в реального человека, – но ничего этого не было, клянусь, что не было. Возможно, я проживаю несколько жизней одновременно. Возможно, я хотела испытать тебя. Возможно, эта скамья – сон, а мы в Саратове или на какой-нибудь звезде».

Скучно перебирать все версии, которые я мысленно реконструировал перед тем, как окончательно принять первый вариант ее исчезновения. С ней я не разговаривал и много времени провел в одиночестве. Она мерцала и гасла, и появлялась вновь с каким-нибудь пустяком, который, она думала, я оценю: пригоршня вишен, три драгоценные сигареты и тому подобное, – обращаясь со мной с невозмутимой, молчаливой заботливостью медсестры, что подходит и отходит от выздоравливающего угрюмца. Я перестал посещать большую часть наших знакомых, так как они потеряли интерес к моим визовым делам и, казалось, стали смутно-враждебными. Написал несколько стихотворений. Выпивал все вино, которое попадалось под руку. Однажды я прижал ее к истерзанной груди – и мы отправились на неделю в Кабуль, где лежали на крупной розовой гальке узкого пляжа. Странное дело, чем счастливее казались наши новые отношения, тем сильнее я чувствовал изнанку жестокой печали, но говорил себе, что это неизбежная черта всякого подлинного счастья.

Тем временем что-то изменилось в подвижном узоре наших судеб, и, наконец, я вышел из темного, душного департамента с двумя пухлыми выездными визами, зажатыми меж трясущихся ладоней. Эти визы были своевременно скреплены американскими печатями, я помчался в Марсель и умудрился достать билеты на ближайший пароход. Вернулся и взбежал вверх по лестнице. Увидел розу на столе в стакане, приторный, розовый цвет ее очевидной красоты, воздушные пузырьки, паразитически присосавшиеся к ее стеблю. Два запасных ее платья исчезли, исчез гребешок, клетчатое пальто, а также розовая лента для волос с розовой заколкой, заменявшая ей шляпу. На подушке не было записки, ничто в комнате не объясняло случившегося, и только роза казалась тем, что французские стихотворцы называют une cheville,[2] я отправился к Веретенниковым, которые не смогли мне ничего сказать, к Гельманам, которые отказались говорить, и к Елагиным, которые колебались, говорить или нет. Наконец, старая дама, а Вы знаете, какова Анна Владимировна в критические минуты, попросила подать ей трость с резиновым наконечником, тяжело, но энергично поднялась с любимого кресла и повела меня в сад. В саду объявила мне, что, будучи вдвое старше меня, имеет право сказать, что я грубиян и мерзавец.

Вообразите сцену: крошечный, посыпанный гравием садик с голубым кувшином из «Тысяча и одной ночи» и одиноким кипарисом; ветхая терраса, где некогда полеживал отец старой дамы с пледом на коленях, оставивший пост новгородского

Как там, в Алеппо... Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru губернатора, с тем чтобы провести остаток дней в Ницце; бледно-зеленое небо; аромат ванили в сгущающихся сумерках; сверчки, издающие металлические трели, настроенные на «до» третьей октавы; колышущиеся складки на щеках Анны Владимировны в тот момент, как она бросает мне материнское, но совсем не заслуженное оскорбление.

В течение нескольких последних недель, мой дорогой В., каждый раз, как призрачная моя жена посещала в одиночку три-четыре знакомых семейства, она услаждала жадный слух всех этих людей невероятными рассказами. Вроде того, что она безумно влюбилась в молодого француза, готового предложить ей свой замок с бойницами и зубчатое имя; что она умоляла меня о разводе, но я не согласился, пригрозил, что скорее застрелю ее и себя, чем поплыву в Нью-Йорк один; а когда она сказала, что ее отец в сходной ситуации вел себя как джентльмен, я ответил, что мне плевать на ее *souci de père*. [3]

И еще множество таких же смехотворных деталей подобного сорта, но все они были так тонко подогнаны одна к другой, что старая дама заставила меня поклясться, что я не стану преследовать влюбленных с заряженным револьвером. «Они отправились, – сказала она, – в замок в Лозере». Я спросил, видела ли она когда-нибудь этого человека. Нет, его не видела, только фотографию. И когда я собирался уходить, Анна Владимировна, несколько расслабившись и протянув мне руку для поцелуя, внезапно вспыхнула, ударила тростью по гравии и сказала мне густым, сильным голосом: «Но одной вещи я вам никогда не прощу – ее собачки, несчастного зверька, которого вы повесили собственноручно, покидая Париж».

Был ли он джентльменом без определенных занятий, превратившимся в странствующего коммивояжера, или метаморфоза была обратной, или он не был ни тем, ни другим, а лишь неприметным русским, что ухаживал за ней до нашей свадьбы, – все это теперь абсолютно неважно. Она ушла. И на этом все кончено. Я был бы дураком, если бы возобновил кошмарную эпопею поисков и ожиданий.

На четвертое утро длинного и изматывающего морского путешествия я столкнулся на палубе с хмурым, но симпатичным старым доктором, с которым играл в шахматы в Париже. Он спросил меня, не страдает ли моя жена от качки. Я ответил, что плыву один; он удивился и сказал, что видел ее несколько дней назад в Марселе, идущей по набережной к пароходу, но, как ему показалось, неторопливо и бесцельно. Сказала, что я сейчас к ней присоединюсь с чемоданом и билетами.

Вот, я думаю, поворотная точка всего рассказа, хотя, если Вы станете его писать, замените врача на кого-нибудь другого, потому что врачей в нашей прозе, пожалуй, слишком много. Именно тогда я понял со всей очевидностью, что ее никогда не было. И вот еще что следует добавить. По прибытии в Нью-Йорк я поспешил удовлетворить нездоровое любопытство: отправился по адресу, однажды мне продиктованному ею; он оказался безымянным зиянием меж двумя офисными зданиями; я искал имя ее дядюшки в телефонном справочнике – его там не было; навел некоторые справки – и Гекко, который знает все, рассказал мне, что этот человек и его жена-наездница действительно существовали, но переехали в Сан-Франциско после того, как их глухонемая дочь умерла.

Вглядываясь в пейзаж минувшего, я вижу наш искалеченный роман погруженным в туманную долину посреди двух четко очерченных хребтов: жизнь была реальной когда-то, жизнь, я надеюсь, будет реальной теперь. Хотя и не завтра. Возможно, послезавтра. Вы – добропорядочный обыватель с милым семейством (как там Инесса? как близнецы?), с разнообразными интересами (как поживают Ваши лишайники?), Вам не разгадать загадку моих бед посредством простого человеческого участия, но Вы можете высветить ее мне через призму своего искусства.

Не надо класть густых теней, смягчать не надо красок... Опять этот мавр! К черту Ваше искусство, я ужасно несчастен. Она все так же ходит взад-вперед по берегу, там, где бурные сети раскинуты на просушку на горячих каменных плитах, и яблочный отсвет от морской ряби играет на борту рыбацкой лодки. Где-то, когда-то я допустил роковую ошибку. Маленькие ноготки отвалившейся рыбьей чешуи поблескивают там и тут в ячейках бурных сетей. Все это кончится, как в Алеппо, если я не проявлю благоразумия. Пощадите меня, Вы утяжелите свои игральные кости убийственным намеком, если вынесете это слово в название.

1943

Как там, в Алеппо... Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Примечания

1 Маленького кафе на углу (фр.).

2 Заполнением пустоты (фр.).

3 Отца-рогоносца (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!